

КАНТ И «СИСТЕМА ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ИДЕАЛИЗМА» ШЕЛЛИНГА

На смерть Канта Шеллинг откликнулся проникновенным некрологом, в котором воздал должное и личности мыслителя, и его учению. (Этого не сделали ни Фихте, ни Гегель).

«Хотя Кант и умер в глубокой старости, он не пережил себя», — писал Шеллинг¹. Он сопоставлял философию Канта с французской революцией и утверждал, что «причиной обоих этих великих событий был один и тот же давно уже зреющий дух, который соответственно различному характеру народов и обстоятельств проявился там в реальной, здесь в идеальной революции»².

Шеллинг никогда, даже в юные годы, не был правоверным кантианцем. Но он всегда помнил, чем он обязан Канту. В «Системе трансцендентального идеализма» постановка основных проблем так или иначе восходит к Канту. Иногда Шеллинг развивает его идеи, а иногда просто повторяет, делая их более наглядными и доступными.

Книга Шеллинга открывается вопросом, который мы сегодня называем основным для философии. Что первично, дух или природа? «*Всякая философия должна исходить из того, что либо природа создается интеллигенцией, либо интеллигенция природой*»³.

Естествознанию свойственна тенденция переходить от природы к интеллигенции, духу. Натуралист открывает законы, оразумливает природу; благодаря этому естествознание превращается в натурфилософию, «которая является основной философской наукой».

Антипод натурфилософии — трансцендентальная философия. Она исходит из первичности субъективного, духовного принципа. Шеллинг называет ее «другой основной философской наукой». (Отнюдь не единственной и даже не первой!). Это «знание о знании».

Шеллинг полон любви к природе и пиетета к естествознанию. «Как ни стараешься избавиться от природы, она всегда настаивает на своем» — это латинское изречение он напоминает тем, кто готов отмахнуться от окружающего нас мира. Шеллинг не отрекается от своих натурфилософских работ. Он их по-прежнему ценит и отсылает к ним своего читателя.

В новой своей работе Шеллинг просто переходит к другому кругу проблем. Тех, что поставил Кант, частично решил, а частично сделал предметом размышления. Главное открытие Канта в «Критике чистого разума» — активность познания. Шеллинг раздвигает рамки этого открытия. Активен, по Канту, рассудок, чувства — пассивны: интеллект конструирует понятия,

чувства лишь аффицируются (возбуждаются) окружающими вещами.

Современная психология экспериментально доказала, что и на уровне чувств происходит активный творческий, порождающий процесс. Не только понятие, но и самый примитивный образ — духовная конструкция. А вот слова Шеллинга: «настаивать на том, что Я сводится к простому получению представлений, к чистой пассивности, мы не имеем права»⁴.

Простейший акт познания — ощущение. Вся реальность познания опирается на ощущения, и Шеллинг называет «неудавшейся» любую философию, которая «не в состоянии объяснить ощущение»⁵. Старые рационалисты игнорировали ощущения, эмпирики видели их значение, но не могли растолковать, что это такое. Одного воздействия извне недостаточно для понимания ощущения. Упругое тело отскакивает от другого, зеркало отражает упавшие на него лучи, но это еще не ощущение. Весь вопрос в том, каким образом Я, субъект переносит внешнее воздействие в свое созерцание, делает его фактом сознания. Объект никогда не обращается к самому себе, не осваивает воздействия на себя, ибо он пассивен. Субъект становится ощущающим в силу своей деятельной природы.

Ответить на вопрос о происхождении ощущения — значит назвать породившую его причину. Но «закон причинности распространяется только на однородные вещи (вещи, принадлежащие одному и тому же миру) и не допускает перехода из одного мира в другой. Ввиду этого превращение первоначального бытия в знание было бы понятно, если бы можно было показать, что также и представление является родом бытия: такое объяснение во всяком случае выдвигается материализмом, системой, которую философу оставалось только приветствовать, если бы она действительно выполняла взятые на себя обещания. Однако материализм в том виде, как он до сих пор существовал, характеризуется полной непонятностью, а если он становится пригодным для понимания, его нельзя отличить от трансцендентального идеализма...»⁶

Ценнейшее признание! Шеллинг тянется к материализму, но его не устраивает в известном ему материализме отсутствие диалектики. «Пригодный для понимания» материализм, т. е. материализм, пронизанный диалектикой, по признанию Шеллинга; «нельзя отличить» от его философии. Как тут не вспомнить слова В. И. Ленина — «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»⁷.

Продолжим шеллинговскую цитату. «...Объяснение мышления в качестве материального явления возможно лишь тем путем, что самое материю мы превращаем в призрак, в простую модификацию интеллигенции, которая обладает сообща функциями и мышления и материи. В силу этого материализм сам заставляет нас вернуться к духовному как к первоначальному.

Правда, с другой стороны, не может быть и речи о таком объяснении бытия из мышления, будто бы первое получается в силу действия последнего...».

Снова прервем цитату. Что это за идеализм, отказывающийся признать первичность сознания, духа? Трансцендентальный идеализм Шеллинга непоследователен, отягощен реминисценциями его натурфилософии.

«...Между тем и другим (бытием и сознанием. — А. Г.) невозможна вообще какая-либо причинная зависимость, и никогда они не могли бы сочетаться вместе, если бы не были изначально едины в Я. Бытие (материя), рассматриваемое в своей продуктивности, является знанием, а знание, взятое в качестве продукта, есть бытие».

Последнюю фразу можно превратить в два афоризма. «Знание — это продуктивное бытие». Безусловно, верно. «Бытие — продукт знания». Верно относительно того бытия, которое порождено мыслящим, знающим человеком. Придать этой мысли всеобщий смысл, что сделал Шеллинг, — значит совершить идеалистическую ошибку.

Идея активности познания логично приводит к другой идее, едва намеченной в гносеологии Кантом и подхваченной Шеллингом — идее историзма. Шеллинг набрасывает систему понятий, которая, по его представлению, совпадает с действительным движением познания и конструирования реального мира. «Философия является... историей самосознания, проходящего различные эпохи»⁸. Термин «эпоха» употреблялся раньше только применительно к истории человечества, Шеллинг включает его в теорию познания.

Изначальное тождество объекта и субъекта, духа и материи, имеет, по Шеллингу, деятельный характер. Два противоположных вида деятельности — реальный, подлежащий ограничению, и идеальный, безграничный, сливаются в нечто третье, представляющее собой ощущение. Оно и идеально и реально одновременно, пассивно и активно.

В «первую эпоху» самосознание проходит путь от простого ощущения до продуктивного созерцания. Понятие продуктивного, или интеллектуального, созерцания — важнейшее в системе трансцендентального идеализма. Это знание о предмете и одновременно порождение его. Как же создается материальный предмет? Материя существует в трех измерениях, которые создается действием трех сил — магнетизма, электричества и химического сродства. Действие силы однолинейно, так как рождается измерение длины; электричество растекается по плоскости, химический процесс протекает в пространстве.

«Вторая эпоха» простирается от продуктивного созерцания до рефлексии (размышления о самом себе). Третья — от рефлексии до акта воли. Таким образом Я, самосознание восходит от мертвой материи к живой, мыслящей, и далее к поведению

человека. Мы мыслим категориями — предельно общими понятиями. Шеллинг не только перечисляет их — отношение, субстанция и акциденция, протяженность и время, причина и действие, взаимодействие и т. д. Он пытается построить их иерархию, показать, как распадается категория на две противоположные, как сливаются эти противоположности снова в одном, более содержательном понятии, приближаясь все ближе и ближе к практической, поведенческой сфере деятельности человека. Возможность, действительность, необходимость — таковы последние ступени этой лестницы категорий, которая приводит нас в новый, верхний этаж, где господствует свободная воля.

Когда вчитываешься в эти строки Шеллинга, невольно приходит на ум «Наука логики» Гегеля. Здесь перед нами ее предвосхищение, своеобразный зародыш. То, о чем Шеллинг рассуждает пока еще робко, местами ярко, местами схематично, приобретает у Гегеля широкий размах, составит содержание двух объемистых томов, которые и по сей день являются собой образец диалектического мышления. Ничто не появляется на пустом месте.

У Шеллинга есть одно преимущество перед Гегелем: в его труде видны земные корни диалектики, связь ее с естествознанием, с процессом развития природы. Гегель будет отрицать развитие в природе. Для Шеллинга это непреложный факт. В разделе о «второй эпохе» он ставит следующие вопросы:

1. Чем объясняется неизбежность органической природы вообще?

2. Чем объясняется необходимость восхождения по ступеням органической природы?

3. Откуда возникает отличие между одушевленной и неодушевленной организованностью?

4. В чем основная особенность всякой организованности?

Пытаясь ответить на эти вопросы, проследившая, в частности, усложнение органов чувств, Шеллинг ссылается на естествоиспытателя Кильмайера. Он специально останавливается на значении эмпирического знания для теоретических построений. Наше познание «насквозь эмпирично» и одновременно «сплошь априорно». Врожденных понятий не существует; априори, т. е. до опыта, нам дана лишь способность познания, его механизм. Работать этот механизм заставляет общение с природой. В «Критике чистого разума» проблема соотношения между эмпирическим и априорным решена аналогичным образом.

Переходя к практической философии, Шеллинг подчеркивает, что в его задачу не входит подробное изложение системы этических понятий (как это сделал Кант в «Критике практического разума»). Шеллинга влечет новая, еще неизведанная сфера умозрения — философия истории.

Действующее лицо истории — человек, наделенный свободной волей. Но, подчеркивает Шеллинг, разумное существо, пребывающее в полной изолированности, не может подняться до сознания свободы, не в состоянии даже до осознания объективного мира. Лишь наличие других индивидов и никогда не прекращающееся взаимодействие индивида с ними ведет к завершению самосознания. Речь, следовательно, идет об общественной природе сознания и деятельности человека.

Мораль и право регулируют отношения индивида и общества. Шеллинг принимает кантовский категорический императив («Ты обязан хотеть только то, что могут захотеть все разумные существа вообще») как принцип человека, принимает кантовскую идею изначального зла в человеке и заложенных в нем задатков добра, которые должны возобладать в результате морального воспитания. -

Моральность соответствует природе человека. Но ее мало. Для того, чтобы полностью устранить возможность уничтожения индивидуальности в ходе ее взаимодействия с другими индивидуальностями, нужен еще принудительный закон. Над первой природой должна быть воздвигнута вторая, существующая исключительно ради свободы. «Вторая природа» — правовой строй.

Право — не часть морали. Правопорядок не обладает чертами моральности. «Все попытки преобразовать этот порядок в моральный явно обнаружили свою порочность, приводя к полной противоположности своим замыслам и к деспотизму»⁹. Шеллинг повторяет здесь Канта: правопорядок формален, не знает исключений. Вслед за Кантом Шеллинг видит идеал общественного устройства в установлении всеобщего правового строя, который должен распространяться и на отношения между государствами. Ни одно государство не может рассчитывать на безопасность, если не будет создана межгосударственная организация, члены которой взаимно гарантировали бы свою неприкосновенность. На случай распри народов должен быть создан общий ареопаг, куда войдут представители всех культурных наций с правом применять совместную силу всех стран против нарушителя международного спокойствия.

Движение общества к всемирно-гражданскому устройству — содержание истории. Здесь переплетается свободная деятельность людей с исторической необходимостью. «Человек, хотя и свободен в отношении непосредственно своих поступков, но итог, к которому они приводят в пределах обозримости, зависит от необходимости, стоящей над действующим и соучаствующей даже в разворачивании самой его свободы»¹⁰. Мы действуем совершенно свободно, с полным сознанием, но в результате в форме бессознательного возникает нечто такое, чего в помыслах наших никогда не было. Об этом говорил Кант, Гегель назовет подобную комбинацию «хитростью разума».

До сих пор Шеллинг излагает или интерпретирует то, что писал Кант в своих статьях по философии истории. Далее, однако, следует нечто новое. Вернее, совсем древнее, восходящее к Якобу Бёме и неоплатоникам. Почему, задает вопрос Шеллинг, к свободе привносится нечто такое, что этой свободе не свойственно, а именно закономерность? Да потому, отвечает он, что над тем и другим стоит нечто третье, высшее. Это высшее начало не может быть ни субъектом, ни объектом, ни тем и другим одновременно, а «исключительно лишь *абсолютной тождественностью*, которая никогда не может подняться до уровня сознания в виду отсутствия в ней какой-либо двойственности». (Раздвоение является предпосылкой любого сознания). «Словно извечное, сияющее в царстве духов и остающееся незаметным в силу незамутненности своего света, это извечно бессознательно, хотя и не может само стать объектом, вместе с тем всегда накладывает свой отпечаток действия и таким является для всех интеллигенций, составляя ту незримую сердцевину, по отношению к которой все интеллигенции представляются лишь потенциями, и будучи извечным посредующим звеном, определяющим в нас самого себя, и объективным»¹¹.

Вот как понимает бога Шеллинг: «Бога нет, если мы будем брать бытие в том смысле, какое присуще объективному миру; будь он, в ничто обратились бы мы сами; но он непрерывно дается нам в откровении»¹². (Против такого безличного бога, «извечно бессознательного», лишённого бытия в общепринятом смысле, не страшно вознести хулу, что Шеллинг не преминул сделать в «Эпикурейском символе веры», который был написан одновременно с «Системой трансцендентального идеализма»).

Откровение абсолюта — это всемирная история. Три основных ее периода — судьба, природа, провидение. Период судьбы охватывает древнюю историю, взлет и падение древних царств, от которых осталось лишь слабое воспоминание. Второй период начинается с расширением границ римской республики. В этот период действуют естественные законы, устанавливается общение между народами, которое должно завершиться союзом народов и «мировым государством». Только тогда открывается третий период, когда законы природы преобразуются в промысел провидения. Нельзя сказать, когда он наступит. «Но когда настает — тогда придет бог». Так заканчивает Шеллинг всемирную историю.

Но это еще далеко не все. Его труд охватывает весь круг проблем, затронутых в трех кантовских «Критиках». Осталась еще «Критика способности суждения», трактующая проблемы органических структур — в живой природе и художественном творчестве. В «Системе трансцендентального идеализма» есть соответственно еще два раздела. Один из них, посвященный телеологии, предельно сжат: о том, как он понимает живую

природу, Шеллинг высказался в теоретической части книги.

Кантовский телеологический метод, понимаемый последним исключительно в регулятивном смысле, укореняется Шеллингом в структуре бытия.

Что касается философии искусства, то здесь ему есть что сказать: он впервые высказывается на эту тему. И «первый блин» — отнюдь не комом. Общение с романтиками пошло на пользу, легло на внимательное прочтение Канта. У последнего он заимствовал тезис — искусство преодолевает разрыв между природой и свободой, это промежуточная сфера, обладающая качествами того и другого. Как вид творчества оно сочетает сознательные и бессознательные компоненты.

Кант сравнивал природный организм с органической структурой художественного произведения. Шеллинг устанавливает два важных различия. Организм рождается целостным; художник видит целое, но творить его может по частям, создавая из них нечто потом уже нераздельное. Далее, природа начинает с бессознательности и лишь в конце концов приходит к сознанию; в искусстве путь иной — сознательное начало и бессознательное завершение начатого труда.

И еще одно важное отличие. Произведение природы не обязательно прекрасно всегда. Иначе это не искусство. Искусство в широком смысле слова создается двумя разными видами деятельности. Один из них — искусство в узком смысле слова, умение, которому можно научить, которое сопряжено с рассуждением, опирается на традицию и собственные упражнения. Другой не может быть изучен, это свободный дар природы. Его можно назвать поэзией в искусстве. Поэтическое бессознательно.

Бессознательное бесконечно. Художник помимо того, что входило в его замысел, инстинктивно вкладывает в свое произведение некую бесконечность. В результате подлинное произведение искусства содержит неисчерпаемость истолкований, будто автору было присуще бесконечное количество замыслов. В противоположность этому в произведении, имеющем лишь личину искусства, преднамеренность и искусственность сразу бросаются в глаза. Это рабский слепок с сознательной работы мастера, он годится разве что для размышления, а отнюдь не для созерцания, которое лишь в бесконечном может найти свое успокоение.

Эстетическое созерцание — высшая форма продуктивного созерцания. Это созерцание, которое обрело объективность, полноту и общезначимость. Философия служит целям «особенного направления духа», остается «вообще вне круга обычного сознания»: эстетическое созерцание «проявляется в любом сознании». Шеллинга не раз упрекали в аристократизме духа. Мы видим, что это несправедливо: Шеллинг озабочен как раз тем, чтобы сделать знание общедоступным. И считает, что общедоступность дает только искусство.

Искусство выше философии в еще одном отношении. «Хотя философия достигает величайших высот, но в эти выси она увлекает лишь частицу человека. Искусство же позволяет добраться до этих высот *целостному человеку*»¹³.

Самосознание достигает высшей своей ступени. В художественном творчестве находит свое завершение продуктивная природа. «Одиссея духа» закончена. Это конец пути, который одновременно является его началом. В искусстве самосознание снова приходит к природе. То, что мы называем природой, — лишь поэма, сокрытая в чудесной тайнописи.

Чем ближе к концу трактата, тем поэтичнее выражает Шеллинг свои мысли, тем решительнее превозносит поэзию как всеобъемлющий вид творчества. «Система завершена, когда она возвращается к своему исходному пункту. Но именно это с нами и случилось. Ибо в произведении искусства полностью освобождается от субъективности, объективируется до конца та первоначальная основа всякой гармонии субъективного и объективного, которая в своей изначальной тождественности может быть дана в интеллектуальной созерцании. Таким образом, наш объект — само Я — мы постепенно довели до того состояния, в котором находились сами, приступая к философскому размышлению.

Но если одному лишь искусству даровано превращать в объективно значимое то, что философ в состоянии излагать исключительно в форме субъективности, то отсюда можно сделать еще один вывод. А именно, раз философия когда-то на заре науки родилась из поэзии, наподобие того, как произошло это со всеми другими науками, которые так именно приближались к своему совершенству, то можно надеяться, что и ныне все эти науки совместно с философией, после своего завершения множественностью отдельных струй вольются обратно в тот всеобъемлющий океан поэзии, откуда они первоначально изошли»¹⁴.

И сегодня дух поэзии неистребим в науке. Творчество ученого может быть сродни творчеству в искусстве. Шеллинг не называет здесь имени Канта, но продолжает его рассуждения. В «Критике способности суждения» Кант противопоставил два вида творчества: художник — это «гений», характер его озарений не поддается разумному истолкованию, иное дело ученый, в его деятельности все зависит от образования и усидчивости. Позднее (в «Антропологии») Кант внес поправку: изобретение, т. е. создание того, чего раньше не было, — удел «гения», в науке он тоже может проявить себя.

Шеллинг говорит о двух типах изобретения «сциентическом» и «гениальном». В первом случае «целое, система создается по частям, словно путем складывания». Для этого не требуется «гениальности». Она проявляется в том случае, когда идея целого предшествует частям. И еще в одном случае: когда утверждаются парадоксальные идеи, обгоняющие время, «безумные»

идеи, как говорят ныне. Творчество научного гения, как и художественного, свершается «путем внезапного совпадения сознательной и бессознательной деятельности»¹⁵. Шеллинг внятно произносит то, о чем у Канта можно было только догадываться.

¹ Шеллинг Ф.-В.-И. Иммануил Кант. — В кн.: Новые идеи в философии. Сборник 12. Спб., 1914, с. 146.

² Там же, с. 147.

³ Шеллинг Ф.-В.-И. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936, с. 15. Перевод уточнен по немецкому оригиналу.

⁴ Там же, с. 99.

⁵ Там же, с. 104.

⁶ Там же, с. 103.

⁷ Ленин В. И. Конспект «Науки логики». — Полн. собр. соч. Т. 29, с. 248.

⁸ Шеллинг Ф.-В.-И. Система трансцендентального идеализма, с. 92.

⁹ Там же, с. 330.

¹⁰ Там же, с. 346.

¹¹ Там же, с. 352.

¹² Там же, с. 356.

¹³ Там же, с. 396.

¹⁴ Там же, с. 394.

¹⁵ Там же, с. 388.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

29 апреля 1981 года исполнилось 60 лет доктору философских наук, профессору АРСЕНИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ГУЛЫГЕ. Старший научный сотрудник Института философии АН СССР А. В. Гулыга обладает широкой интересом, глубокими и разносторонними познаниями. Перу профессора А. В. Гулыги принадлежит более 200 работ, в числе которых книги: «Из истории немецкого материализма» (1962), «Гердер» (1963; 2-е изд. — 1975), «Гегель» (1970), «Эстетика истории» (1974), «Кант» (1977), «Искусство в век науки» (1978), «Искусство истории» (1980), — получившие широкую известность и признание как советских, так и зарубежных читателей. Член Союза советских писателей, свои дарования литератора он применил в освоении жизненного и творческого пути виднейших представителей классиков философии, способствуя тем самым повышению уровня общей философской культуры.

Научная общественность высоко ценит заслуги А. В. Гулыги в области издательской деятельности, организации которой он отдает много сил и времени. Он работает во многих редколлегиях, готовящих к изданию историко-философскую литературу, а его деятельность на посту заместителя председателя редакционной коллегии библиотеки «Философское наследие» (издательство «Мысль») получила широкое признание.

Калининградские философы ценят профессора А. В. Гулыгу как исследователя истории немецкой классической философии и издателя кантовских трудов. А. В. Гулыга принимает участие в исследованиях теоретического наследия Канта, предпринимаемых в Калининградском университете, является членом редколлегии «Кантовского сборника» и активным его автором, участником Кантовских чтений в университете.

Поздравляем Арсения Владимировича Гулыгу с шестидесятилетним юбилеем и желаем ему творческих успехов, здоровья и сил в осуществлении больших замыслов. Выражаем уверенность в том, что сотрудничество наше будет развиваться и крепнуть.